

ЛЮБОВЬ И СТРАХ

(По поводу статьи Н. Н. Страхова
«Справедливость, милосердие и святость»)

I

Я с большим вниманием прочел прекрасную статью Н. Н. Страхова. Она прекрасна сама по себе и, кроме того, своевременна. Нравственные вопросы действительно занимают теперь многие умы. Несомненно также, что в области этих вопросов господствует очень большая путаница. Это понятно. Подобные вопросы слишком долго игнорировались и нашим обществом, и нашей литературой – и вот, когда пришло время для них, и общество, и литература оказались совершенно не подготовленными не только к правильному их решению, но и к правильной их постановке. То, что прежде решалось совершенно просто, «соблазнительно ясно», оказалось слишком запутанным и сложным, не поддающимся «соблазнительно ясным» решениям; то, что еще так недавно считалось поконченным раз навсегда, отпетым и похороненным, начинает тревожить умы столь сильно, как не тревожило никогда прежде. В самом деле, лет двадцать-тридцать тому назад с восторгом принимались как окончательные решения всех нравственных и социальных вопросов решения, провозглашенные в статьях Добролюбова и Писарева, в романе Чернышевского. Эти решения руководили жизнью многих и часто губили эту жизнь – и вот что же теперь ото всего этого осталось? В обществе – какое-то смутное воспоминание о смутном кошмаре, пережитом нами в недавнюю эпоху, в журналистике – два-три запоздалых чудака, по временам выкрикивающих о «великих традициях шестидесятых годов», два-три чудака, все еще воздающих честь, славу и поклонение Добролюбову, Писареву, Чернышев-

скому. Но эти чудачки не в счет. Они совершенно подобны барону из шуточного стихотворения Кузьмы Пруткова:

Бароны пируют,
Бароны воюют,
Барон фон Грюнвальд
Все в той же позиции
На камне сидит...

Так точно и чудачки, о которых речь: они «все в той же позиции на камне сидят». Но прочие уже переменили позицию, ходом жизни они сбиты с нее, и наступила совершенная и полнейшая разноголосица. Нет ничего определенного, как в недавнее время. Либерализм наш, по крайней мере в тех формах, в каких он проявлялся в это недавнее время, отживает свой век. Он чахнет и идет на уступки. Он отказывается от позитивизма и готов подать руку метафизике. Он думает, что такой компромисс пользует в него новую жизнь. Но и компромисса, собственно говоря, никакого не выходит, а выходит одна путаница. Самые простые и ясные понятия затемнены в сознании нашего общества – и это общество, смятенное и растерянное, вместо того, чтобы, как говорится, начать с азов, хватается за первые попавшиеся слова, чтобы наполнить ими образовавшуюся пустоту. Вот самый яркий тому пример. Общество наше стали волновать и интересовать вопросы религиозные. Казалось бы – чего лучше? Но худо то, что в этом обществе нет самого необходимого для того, чтобы выйти в этом направлении на правильную дорогу: нет сознания своего совершенного ничтожества в этих вопросах. При таком сознании тотчас бы явилось самое простое и самое правильное отношение к ним: надо узнать эту неведомую область, надо начать с азов. Но с азов никто начинать не хочет – и вот почему всякая нелепость, провозглашаемая в области этих вопросов, принимается как

некое новое откровение. Граф Толстой перетасовывает вопросы по-своему, Вл. С. Соловьев – по-своему, а общество прислушивается к их словам, обсуждает и рассуждает, не зная даже хорошенько, о чем идет речь. То же самое происходит с вопросами нравственными, так тесно связанными с религиозными. Вот почему здесь важно каждое твердо сказанное и продуманное слово. Такое слово мы находим в статье Н. Н. Страхова. Можно в ином не соглашаться с почтенным автором, но мысль его всегда ясна и понятна, так что спор с ним сам собою принимает правильное течение и потому служит лишь к большему выяснению дела.

II

Н. Н. Страхов говорит о тех *трех ступенях*, по которым человек должен подниматься, стремясь к своему нравственному усовершенствованию. Эти ступени: справедливость, милосердие и святость. Он последовательно останавливается на этих трех ступенях, разъясняя их смысл и значение.

«Принцип справедливости есть *право*. Поступать справедливо – значит совершать только такие действия, на которые я имею право, – пишет он, – а право я имею делать все, в чем мое благо не противоречит благу других людей. В этих границах я свободен, и каждый имеет право на такую свободу. Это не значит, чтобы мы как-нибудь уже рождались с этими правами. Нет, очевидно, эти права – плод человеческого разума, плод долгой истории. Теперь мы за каждым человеком признаем достоинство личности, признаем, так сказать, законность каждого эгоизма и требуем только, чтобы все эгоизмы уравнивались, не мешали друг другу. Ибо таково самое простое и самое общее разрешение задачи мирного сожителства людей. А для того чтоб этот порядок соблюдался, мы устроили государство, которого первая и неотложная обязанность есть именно ограждение прав каждого лица, устранение всякой

несправедливости. Конечно, государство может действовать только внешним образом, только *силой*, а потому оно и ограничивает свои действия лишь тем, что может быть вынуждено, то есть ограждает только наши внешние права и устраняет только нашу внешнюю несправедливость. Но все-таки энергии частных эгоизмов открывается огромный простор, и жизнь новых государств кипит с такою силой, какой до сих пор еще не видала история.

Поэтому, – прибавляет он далее, – государство со своими юридическими формами есть истинная школа первоначальной нравственности, оно учит различать свое и чужое право».

Такова первая ступень. Люди справедливые, честные находят в государстве охранение *своего права*, ибо они и не имеют побуждения нарушить чужое право; людей несправедливых и нечестных государство насильственно, *страхом* приучает быть справедливыми и честными. Мало-помалу известная степень справедливости и честности обращается и у них в привычку. Это, конечно, первоначальная школа, по самой задаче своей дающая очень мало, но являющаяся фундаментом для остального, большего.

Юридический порядок, как все мы знаем, еще не ручается нам за добрые отношения между людьми и не устраняет злых отношений, – пишет далее Н. Н. Страхов. – Люди находят тысячи средств и путей, чтобы, оставаясь в пределах закона, делать зло друг другу, обижать, угнетать, доводить до отчаяния и гибели. Вообще каждая свободная сделка, каждый добровольный обмен, даже каждый разговор может быть или взаимною услугой, или же взаимною борьбой. А в борьбе слабый может пострадать от своей слабости, а сильный злоупотребить своею силой; вот отчего понемногу и незаметно, без всякого нарушения права, слабые часто бывают совершенно задавлены, а сильные все растут и растут в своей силе. Закон тут не может ничему помочь, потому что он может только устранить всякую внеш-

ную насильственность борьбы, но не может предписать внутреннего согласия. Закон вообще не предписывает того, исполнения чего он не может вынудить; следовательно, он не имеет никакой власти над нашими чувствами и нашими мыслями, а следовательно, бессилен и относительно того зла и добра, которое зависит от наших чувств и мыслей. Но в самом внутреннем мире человека, недоступном закону и насилию, есть другое начало, которому человек может только свободно подчиняться и которое одно только способно уничтожить противоречия наших прав и обращать борьбу эгоизмов в содействие и согласие. Это начало – доброта сердца, милосердие, любовь к ближним.

Легко видеть, что это действительно новая и особенная ступень нашей нравственности. Все истинно добрые люди, конечно, в то же время и честные люди, но не наоборот: *многие честные люди не бывают добрыми*. Из этого различия выходят противоречия, а из противоречий – даже противодействие и вражда.

Мне кажется, к этим двум группам: добрых и честных людей, честных, но не добрых людей надо прибавить еще и третью, которую обошел Н. Н. Страхов, но без которой картина будет далеко не полна: необходимо прибавить группу людей и нечестных, и недобрых. Конечно, есть и такие, и, конечно, они существуют не в столь малом количестве, чтоб их можно было игнорировать. Затем и еще одно предварительное замечание. Надо непременно подчеркнуть, что в жизни, в действительности этих трех групп, обособленных, разделенных как бы перегородками, вовсе и не существует. В жизни все смешано в бесчисленных и всевозможных комбинациях. Но не в том главное дело.

III

Главное дело в том, что хотя доброта сердца, милосердие, любовь к ближним свойственны даже и поврежденной

природе человеческой, но для этой поврежденной природы они не имеют *принудительной* силы.

В самом деле, какую принудительную силу для человека недоброго или для человека хотя и доброго, но с затемненной совестью может иметь любовь к ближнему? Ровно никакой. Где, наконец, опора для борьбы этой любви со страстями человеческими, которые живут во всякой душе, и даже в душе людей, от природы добрых? Страх закона, как справедливо заметил Н. Н. Страхов, может заставить людей быть справедливыми, но не может их заставить быть добрыми и милосердными. Следовательно, должно быть что-либо высшее человеческого принудительного закона, но столь же и более принудительное, что *вынуждало* бы людей быть добрыми, милосердными, любить своих ближних. Это высшее заключено в религии. *Страх Божий* – вот то высшее, что может заставить людей быть добрыми, милосердными, любить своих ближних. Из страха закона человеческого человек ограничивает свою свободу, или, лучше сказать, свое своеволие, лишь в круге формальных своих действий, и то небольшом, ограничивает себя только в том, в чем закон может его принудить к такому ограничению. Пред Богом же человек сознает себя ответственным не только за *все* свои *действия*, но и за все свои *помышления*, за все движения своей души. Пусть в человеке первоначально будет только *рабский* страх пред Богом – страх кары и суда Божьего, – но и такой страх заставит его ограничить себя гораздо более, нежели заставляет закон человеческий. Но этот рабский страх составляет лишь первую необходимую ступень. Если он есть – он непременно приведет к страху *сыновнему*, как выражаются духовные писатели. Тут совершается очень понятный психологический процесс. Человек, еще рабски боящийся Бога, уже *знает*, что Бог от него требует доброты, милосердия, любви, – и он, не имеющий всего этого или имеющий мало, пока хотя из страха будет стремиться приоб-

рести это, сделаться добрым, милосердным, любящим. И как безмерно усиленный огонь расплавляет и самый твердый металл, так страх Божий, хотя бы еще и рабский, размягчает и самую упорную душу. А как только она размягчится, как только затеплится в ней хотя единая искра любви, – она разгорится, и страх рабский перейдет в страх сыновний, в страх огорчить, оскорбить Бога, и привычка к добру, приобретенная под давлением рабского страха, делается для человека необходимостью, станет постоянным расположением его души. Страх Божий есть начало христианской нравственности и любви; христианская любовь, не самочинная, не автономная, есть плод страха. Страх Божий одинаково нужен для добрых и злых, ибо в злых он пробуждает любовь, в добрых руководит ею, делает ее истинно христианскою, дает ей силу бороться со страстями, мешает ей уклоняться от воли Божией. Ибо природная в человеке любовь, оставленная на произвол, не руководимая страхом Божиим, может уклониться от воли Божией, может привести человека даже и к злодейству.

Чтобы недалеко ходить за примерами, воспользуемся указанием самого же Н. Н. Стрехова.

«Как бы то ни было, – пишет он, – но нет сомнения, что взаимная любовь, взаимное милосердие, жизнь для других, а не для себя, есть единственное средство устранить всякое зло, возникающее из людских отношений, и облегчать всякое страдание, причиняемое нам внешнею природой. Для *земной жизни* это идеал, не заменимый никакими другими идеалами. Многих он пленяет не как зрелище нравственной красоты, а как картина возможно-го благополучия; они ждут в грядущих веках осуществления такого *земного рая* и считают долгом, чем только могут, содействовать его приближению, хотят быть не просто добрыми людьми, а благодетелями человечества. Это прекрасные намерения, прекрасные мечтания, но странно, что не всегда замечают недостижимость той по-

следней цели, к которой они направлены. Бедственность человеческого существования такова, что устранить ее ничто не может».

Мы всегда носим в себе внутреннего врага, наши желания, которые вечно обновляются, постоянно не дают нам успокоиться и часто поглощают всю нашу душу. И у нас внешний враг, неодолимый и неизбежный, – смерть. Если бы все люди были проникнуты братской любовью друг к другу, то страдания человеческие, вероятно, не уменьшились бы, а увеличились. Теперь, когда мы живем эгоистами, чужие бедствия и мучения для нас ничего не значат, и мы спокойно смотрим, как смерть вокруг нас «косит жатву жизни»¹. Но если бы мы чувствовали сострадание к несчастным, если бы истинно любили умирающих, то нас не должна была бы никогда оставлять печальная и горькая дума.

Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой,
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистошимые, неисчислимые,
Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую порою ночной².

Это не гипербола сострадательного поэта, это чистая истина. А чем может быть утешен человек в потере близких, дорогих людей? Эти утраты вознаградимы и неизгладимы. Тут можно прямо сказать, что кто больше любит, тот больше и страдает. Между тем смерть не только не возвращает тех, кого взяла, но и грозит каждому из живущих с нами. И, следовательно, кто больше любит, тот под большим страхом и живет. Пушкин, вспоминая об умерших друзьях, говорит:

¹ См. первую строку стихотворения без названия П. А. Вяземского: «Смерть жатву жизни косит, косит...» (1840).

² Строки из незаглавленного стихотворения Ф. И. Тютчева (1849).

И смерти дух средь нас ходил
И назначал свои закланья.

Этот «дух смерти» ходит среди нас постоянно, он неприменный гость всех наших собраний, и пиров, и похорон, и он не перестает назначать свои закланья. Если так, то когда же возможна для любящего спокойная радость, даже если он забудет, что его самого ждет неизбежная болезнь и смерть?

Я хочу сказать именно о тех, которые, по выражению Н. Н. Страхова, «хотят быть не просто добрыми людьми, а благодетелями человечества». Им не приходят в голову соображения о невозможности устранить бедственность человеческого существования, которые так прекрасно и убедительно изложил наш автор, – и они настаивают на возможности *земного рая*. Они всеми средствами желают осуществить свою мечту, и мы знаем, к чему это иногда приводит. Есть такие, которые видят всю причину человеческих бедствий в современном устройстве общества – и стараются словом и делом разрушить это устройство. Часто «дело» переходит в прямое злодейство и, что всего ужаснее, часто же совершающие это злодейство уверены, что ими руководит *любовь*, – любовь к человечеству. Вот к чему может приводить, да и приводит, любовь самочинная, развивающаяся вне страха Божия, не руководимая им, не составляющая плода его. Как же это может случиться? Очень просто. Не только разум, но и совесть часто обманывают человека и дают пагубное направление даже и хорошим его чувствам. В этом все дело. Как только человек уверует в свой разум и в свою совесть как в непогрешимый критерий истины – он близок к тому, что самые хорошие чувства могут привести его к самым дурным поступкам: душа его извратится, и любовь превратится в ненависть. Из-за любви к человечеству он станет ненавидеть *людей*, и человек, жизнь человеческая потеряют для него всякую

ценность сами по себе. На жизнь человеческую он станет смотреть с арифметической точки зрения: столько-то жизней за благополучие всех. Он сам себя поставит судьей над людьми и станет судить их, предвосхищая суд Божий. И, быть может, в основании всего этого действительно лежали семена природной доброты и сострадания. Но, возвращенные без ухода, они дали такой плод. Дело в том, что человек, предоставленный сам себе, непременно выбирает то, что *легче*. На более легкое устремляет он и свое природное чувство любви. Любить человечество гораздо легче, чем любить *человека*, заботиться о счастье человечества гораздо легче, чем заботиться о счастье ближнего, того, который здесь, под рукой. Чтобы полюбить человека, каждого человека, который попадет на пути, нужна огромная и постоянная работа над душой своею; для того чтобы вообразить, будто любишь *человечество*, ничего подобного не нужно. Прежде чем полюбить человека, нужно изгнать из души своей самолюбие, гордость, тщеславие, ибо нельзя любить своего ближнего, будучи самолюбивым, гордым, тщеславным; любовь же к человечеству не только не исключает этих чувств, а часто, напротив, питает их. Я только хочу сказать, что любовь природная, которую теперь принято называть *альтруизмом*, есть чувство, конечно, прекрасное, но ненадежное, что, развиваясь самочинно, вне страха Божьего, она часто может выражаться в ненависти и извратить весь душевный строй человека. Такая любовь не есть христианская любовь, ибо христианская любовь есть чувство приобретаемое, приобретаемое подвигом всей жизни.

В дальнейшем своем изложении Н. Н. Страхов говорит о святости. Состояние святости, *третья ступень*, по мнению Н. Н. Стрехова, хорошо выражено словами св. Терезы¹: «Ничем не смущайся и ничего не бойся – все проходит, Бог остается неизменным».

¹ Тереза Авильская – католическая святая XVI века.

Если человек не станет бояться людей, говорит наш автор в другом месте, то он будет всегда и везде свободен и спокоен, потому что будет бояться только Бога, только своей совести.

Это-то и есть состояние святости. Совершенно справедливо. Замечу только, что «совершенная любовь», та любовь, которая «изгоняет страх» (1 Ин. 4, 18), и есть святость. А основание, начало такой любви есть страх Божий, страх же этот есть плод веры. Итак: без веры невозможен страх Божий, без него невозможны ни любовь, ни святость... Вот все главнейшее, что мне хотелось высказать по поводу статьи Н. Н. Страхова.

МНЕНИЕ СВЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ О МОНАШЕСТВЕ

(Н. Страхов. Воспоминания и отрывки)

I

В этой небольшой книжке очень много интересного и поучительного, как и всегда у Н. Н. Страхова, но на этот раз я хочу коснуться лишь одной из статей, помещенных в этой книжке. Я подразумеваю статью, озаглавленную «Воспоминания о поездке на Афон». В статье этой вы не найдете подробного описания Афонской горы, ее монастырей, ее подвижников; в ней гораздо больше личных впечатлений автора, но они-то и интересны. Интересны впечатления такого писателя, как Н. Н. Страхов, вынесенные им с Афона, — интересны впечатления человека, самостоятельно и своеобразно мыслящего, о явлении, которое для большей части нашей «интеллигенции» представляется чем-то весьма отдаленным, как бы остатком какого-то иного мира, остатком той старины, в которой, по мнению этой «интеллигенции», ничего кроме темноты и невежества не было.